

ЛЮДМИЛА ВОРОБЬЁВА

“НА ГЛАГОЛИЦЕ ДАЛЬНИХ МИРОВ”

О философии космизма в поэзии Натальи Егоровой

*Нам останется — Русь, и Христос, и забытые хаты.
Да безлюдья тоска, да распахнутый в вечность порог.
Да пустынный простор с клеверами и лесом сохатым...
Заповедная Русь. Журавлиная Русь без дорог...*

Наталья Егорова

В книге литературной критики “Традиция — совесть поэзии” выдающийся русский поэт XX века Татьяна Глушкова поднимает принципиально важный вопрос, без которого для художника не может быть подлинного творчества, — вопрос о сущности самой традиции, о том, что “в традиции можно только быть, пребывать”, что не всегда она должна нести нечто новое, ведь традиция подразумевает “целостное, а не разорванное” представление о мире, подразумевает “знание и мужество прозрения”. В поэзии Натальи Егоровой традиция и предполагает то новое, которое не обязательно означает разнообразие стилизованных изысков, невероятных тем и сюжетов, экспериментальных поисков.

В её творчестве на первый план выходит родовая идея единого целого, прочно опирающаяся на почву древней истории Святой Руси. Возможно ли в таком сложном и ответственном деле, как поэзия, обойтись без Промысла Божия? Не так много сегодня поэтов, которым удаётся на фоне собственной судьбы отразить и судьбу Родины, её путь от самых истоков, удаётся связать времена и эпохи, выйдя за пределы индивидуального видения к космическим высотам духа.

Наталья Егорова — автор нескольких поэтических книг, к тому же блестящий критик, лауреат многих литературных премий. Тесную взаимосвязь её поэзии с национальной традицией, обогащённой историческим опытом предыдущих веков, эту уникальную способность творить историю человечества по-особенному, с чистого листа, с присущим только ей особым вселенским взглядом, прослеживает в своём аналитическом очерке “Мы сами — музыка и боль...” историк и литературовед Сергей Куняев. Он подчёркивает не только “размашистость поэтического жеста”, но и обращает внимание на “смешение временных пластов” в поэзии Натальи Егоровой, на то, что “это труднейший путь — идти к органической связи эпох...” Её поэзия и поражает именно этим свойством — метафоричной космогонической архитектурой текстов, когда пространство и художественное время развиваются до исторической и космической бесконечности. Ведь гладко написанный текст — ещё отнюдь не

признак настоящей литературы. Литература – напряжённая внутренняя работа, то, что возникает над текстом. Она, как преодоление времени, – живи вне времени. Русские историки Средневековья для объяснения исторических событий всегда искали нравственные причины. В подобном ключевом поиске становится понятна и общая историческая предопределённость, где всеобщая история – это лишь часть истории личной. В процессе создания художественного образа данный пространственно-временной феномен приобретает исключительное значение.

Пожалуй, далеко не каждому поэту дано связать, соединить надмирное с повседневным, дано провести эту таинственную взаимосвязь, не нарушая закономерный ход вещей, при котором внутреннее зрение поэта обретает искомую остроту и избирательность. Наталья Егорова словно открывает некую перспективу изнутри: её поэтические повествования пронизаны иносказательной исповедальностью, они не существуют сами по себе, как “искусство для искусства”, а органично вписываются в кровеносный круг бытия, размыкающий кольцо времён и представляющий целостное мировосприятие. Стихи её, возможно, не так легки для обобщённо-эстетического понимания, поскольку содержат синтез: и фантастически-легендарного, и реалистически-вещественного, и романтически-лирического, и эпически-сказового. Поэтическое пространство произведений Натальи Егоровой обладает невероятной глубиной времени. Лев Николаевич Толстой считал, что крупные события и чувства вырастают из глубины. Возможно, постижение непостижимого помогло и Наталье Егоровой отыскать свой путь в русле поэтических традиций. Материальный мир в её поэзии приобретает универсальное понятие, без приторно-идиллического привкуса, и держится на основополагающих смыслах: веры, молитвы, любви, красоты, радости. Отсюда у автора и высшее представление о жизни, граничащее с трагической мудростью:

*О, прекрасен ты, мир, в переплёте весны,
И сверкают твои межпланетные сны,
Как посланцы мечты, — без порока.
А о том, что ты груб и безумно жесток,
Я когда-то забыла дослушать урок,
Навсегда убежавши с урока!*

*Эти взрослые глупости мне не нужны.
Я люблю в крутобокой плавильне весны
Острый запах запретной свободы —
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,
Жить, распахнутой настежь, и душ высоту,
Что идет по судьбе, как по водам.*

*В древнем мире своём, в вольном детстве своём,
Я, забывшись, слилась навсегда с бытиём —
Безоглядно, всерьёз, без остатка.
Перемазалась солнцем в горячем песке,
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,
Над обрывом сверкнула касаткой.*

*И простор захватила потоком огня
Жизнь, текущая шире и дальше меня —
Золотым полыханьем без края.
В каждом волю сверчащем пропащем сверчке,
В каждом рот разевающем глупом мальке,
В каждом грозном дыхании мая.*

Всеобъемлющий, планетарный взгляд, утверждающий силу и энергию самой жизни, которая начинается на солнечной стороне бытия и длится, длится без конца и без края, являет она миру в этих одухотворённых, исполненных вдохновения стихах. Но может ли жажда жизни стать искуплением вины за то, что эта жизнь летела в огненном потоке, не давая остановиться, задуматься? “Не вины же виной, не кори меня злом, // Я упрямо жила свою жизнь

о другом, // Всё узнав и простивши на свете”, — исчерпывающе звучат авторские интонации страстного принятия неделимого чувства вины. “Это не литература, говорящая о жизни, но жизнь, говорящая о самой себе”, — так писал Владимир Кожин о сильном эмоциональном воздействии прозы писателя-фронтовика Виктора Курочкина. Слова известного литературоведа можно отнести и к не менее убедительной поэзии Натальи Егоровой, где тоже жизнь бьёт ключом и правдиво рассказывает обо всём и после прочтения произведения, рассказывает и не умолкает, независимо от воли и желания автора, ибо стихи написаны так, что они — и продолжение, и преодоление жизни.

Поэтические тексты Натальи Егоровой рожают яркий зрительный ряд, в который всегда незримо и естественно вплетается религиозное начало, некий первоэлемент абсолютного, и незримо живёт в нём, взаимно отражая две стороны земного бытия — материальную и духовную. И то, и другое требует от поэта напряжённой внутренней работы. Присутствие Божественного и является для художника высшей задачей и целью. Лишь в этом слиянии — истоки народной памяти, единство живого, генетического образа Руси — России — Родины. В нём глубинные истоки и художественного универсума — философского космизма, характерного для поэзии Натальи Егоровой.

“За Христовую Русь...”

*Узнаю тебя, Русь. И не буду в обиде.
И свой подвиг свершу, как смогу...
Ты — единый мой свет на моём раздорожье.
И единая пристань моя.*

Николай Тряпкин

Дух ушедших эпох, смысл исконный и высокий вобрала в себя Русь. На Руси и до обращения в христианство обладали нравственными христианскими ценностями, что имело значение для развития широкой традиции, уходящей корнями в глубь веков, к архаической Руси — первородине, источнику внутренней энергии народа. Об этой “дохристианской эпохе”, как её назвал в стихах Натальи Егоровой Сергей Куняев, она и пишет будто на сказово-былинном языке. Вечный зов из того далёкого прошлого, что на грани перехода от Руси языческой к Руси христианской, начало той жизненной ломки, надрывы исторического бытия явственно отзываются и в произведениях Натальи Егоровой, представляющих мифопоэтическое единство человека и природы. И мы слышим, как текут реки — могучие и древние реки поэзии:

*Заревёт ли медведь, зазвонит ли рассвет,
Тронет душу неведомый сон, —
Здесь великие реки выходят на свет
Из берложьего зева времён.*

*Здесь медведицы-сосны на лапах рудых
Лижут мёды зари спозарань.
Не напейся из следа болотной воды
И медведицей лютой не стань.*

Архаическая мистика язычески-природных начал будто раскрывает безграничные метафорические контексты доисторических времён. Русь здесь — праистория человечества, предшествующая средним векам. Борис Шергин, русский писатель-сказитель, говорил: “Моё упование — в красоте Руси”. Эту красоту и мощь не пересилить вовек. Красота природы нерукотворна. Вот и в текстах Натальи Егоровой, в которых просто растворяешься, исчезаешь, поражаясь их яростной, могучей, прекрасной силе, поражаясь тому, какая возможность любви заложена в звере и вообще в дикой природе. Об этом неоднократно упоминал в своих наблюдениях Пришвин, погружаясь в нескончаемые странствия по самым неизведанным и заповедным местам русской природы. Связь Руси и России в этих будоражащих воображение стихах метафизически неразделима:

*Нас сквозь дебри смертей и рождений вели
Знаки войн и горящих планет.
Это — глубже меня, это — дольше земли,
Это знание древнее, чем свет.*

*Мы пришли из России и канули в Русь,
След оставив и песнь на земле.
Всё пройдёт и исчезнет — но я не боюсь
Раствориться в светящейся мгле.*

*Не рыдай о прошедшем, а тропку приметь
Через гари — в страну старину.
Заиграет ли лось, заревёт ли медведь,
Взроет дикий кабан целину.*

*Там, на просеке, чёрные тени лежат,
Гривы сосен от ветра дрожат,
И медведица-матерь ревёт на закат
И выводит к Днепру медвежат.*

Связь двух ипостасей Руси — России сопряжена в своём единстве навечно. Так же была на Руси нерушима и связь человека с Богом. Стихи “Лампада Ильи Муромца” дышат тоже не только былинной историей народного эпоса, но обращают наши взгляды к лучезарному образу Христа, мы воочию видим Его Божественную силу не только чудесного телесного исцеления, но и чудо спасения человеческой души:

*Догорел у киота огарок свечи.
Развалилось крыльцо. Прохудилась бадья.
Тридцать лет и три года сидел на печи
Хворый костью и телом болящий Илья.*

*Старый дом по макушку в сугробины врос.
А в округе — раздолье ворью и зверью!
Но снегами прошёл мимо хаты Христос —
И помиловал нищего духом Илью.*

.....
*Встал Илья воевать — во всю удаль и ширь —
За Христовую Русь, исцелённый Христом.
Тот, кто Богом богат, — на Руси богатырь
С харалужным мечом и червонным крестом.*

.....
*Даже силушка Божья — без Бога пуста!
Станет ржавью мой меч.
Станет прахом мой конь.
Но зажгу я лампаду от Света Христа,
Чтобы цвёл над снегами бессмертный огонь!*

*Ты отвоедаешь, Родина, горя и слёз.
Враг посевы затопчет и храмы спалит.
Но пройдёт мимо нищенской хаты Христос
И великою силой тебя напоит!*

Каков эпический охват, разлёт во всю русскую ширь и удаль этой бессмертной легенды, что становится поистине народной песнью героизма и доблести русского меча, и нескончаемой песнью горячей веры в Христа, без Которого нет победы! Вернуть бы нам эту тоску Ильи по Христу. Смысл и цель литературы заключается в том, чтобы вести людей к Спасителю. Когда же и где мы потеряли эти смыслы, завещанные нам предками? На каком историческом рубеже, на каком переломном моменте?

Русь заполняет собой всё пространство авторских текстов. Поэзия и история торжествуют, и человек тут свидетель перед Богом о чуде Руси, о вечной славе России. “Вишь — Русь стоит на холме пологом...” — блоковскую мощь впитали строки Натальи Егоровой, мощь эта идёт от древности, от скифских курганов, что кажутся воплощением вечности. Не от той ли Руси досталась нам в наследство и забытая ныне крестьянская хата? “Никто не косит черные бурьяны. // По всей округе — тленье и распад. // Глядят сквозь ночь в тягучие туманы // Глаза пустых, забытых Богом хат”, — горькое сиротство брошенных деревень — хорошо знакома эта убийственная картина новейшей истории России. На “улице умершего села” не сыскать уже той былинной Руси. Крестьянство — хребет нации — неизбывная боль и вина перед будущими поколениями. “И не смирившись с пагубой и тленом, // Музейный зритель родины своей, // В умершей хате споришь со вселенной, // Но лучшей жизни не находишь в ней”, — отечественная традиция бессонной взыскующей совести, что ранит, саднит душу, звучит в поэзии Натальи Егоровой пронзительной нотой боли. Вероятно, поэтому крайне сложно уже разглядеть “былую Русь”, уходящую в забвение, как и старых друзей, и саму стремительно меняющуюся Россию. “Сгоревших звезд за снегопадом свет. // Ищу друзей, которых больше нет. // Я жить хочу — и на себя сержусь. // Скрипкой снежком. Ищу былую Русь”, — ощущение себя “во времени чужом” — очень явственный и неотступный мотив в её творчестве, который всё более усиливается с годами. От этого не уйти, не улететь на русской удалой тройке, что несётся сквозь столетия, бег которой и в грядущем будет олицетворять величие Руси. “Атомная птица-тройка” — стихи, сочетающие два образа-символа: и тройки как неумолимого бега по бескрайним и вольным просторам Руси, и птицы, с которой издревле отождествляли себя крестьяне. Надо сказать, что птицы — излюбленный образ автора, неизменно присутствующий во многих произведениях. К примеру, “Птицы в городе” — стихотворение, восходящее к истокам символизма, ведь птицы так или иначе всегда участвуют в акте сотворения мира. Они всё символически связывают как с непреходящим, небесным, Божественным, так и с тёмным, трагическим, силами зла и беды. Меж тем не остановить взявшую свою разбег тройку. “Завещаем мы нищенство внукам // Вместе с тройкой и горькой слезой...” — и не понять, куда же вместе с этой неумолимой тройкой несётся Русь? В какие родные пределы? Ответа нет. Категорический привычный императив — вези! — звучит в данном случае так: “Прочь с пути, неразумные, про-о-о-о-о-о-о-чьи!!!” Безумно жаль этой уходящей Руси — России, этих “чужих наречий”. Подлинно “распалась связь времён”. Нет уже того единого Отечества, вмещающего и Русь, и Россию. Национально-духовный облик эпохи становится совершенно иным.

Философ Иван Ильин некогда писал: “Не во власти человека оторваться душою от той среды, которая его взрастила, погасить свой национально-духовный облик и, раз надыхавшись родного воздуха, сделать себя действительно лишённым духа и Родины”. Иногда человек рождается не там, где должен, и не в своё время. Но это тоже испытание. Нужно найти себя. И даже если ты не можешь с таким временем сблизиться, принять его, ты не можешь никоим образом отторгнуть родину.

*В большой стране, которой больше нет,
Я родилась на снежный белый свет.*

*А вера, что веками грела род,
Таится, дремлет, но вот-вот уйдёт.
.....
Ты прав, Господь: сама я прах и тлен,
Но больно мне от вечных перемен.*

*С продрогшей шубки сдую иней дней.
...Оставленная вечностью Твоей...*

Да, человек сотворён из праха. И в прах обратится. Но как же быть ему, обречённо вззирающему на разорение собственной страны? Н. Егорова в своей статье, написанной к 80-летию русского поэта Т. М. Глушковой “Муза

с красными крыльями”, приводит веские слова писателя В. Бондаренко, сказавшего в книге о Глушковой достаточно исчерпывающе, что она предпочла остаться в великом и трагическом XX веке. В той или иной мере не минула сия чаша и сама Н. Егорову. Принято задаваться вопросом – учит ли чему-то история? Я думаю, история никогда и никого не учит. Каждое время переживается будто впервые. “Но не эти дни мы звали...” – писал в 1921 году Александр Блок, мечтая о новом, совершенно другом времени. “Не моё это время, не родное, оно прервалось”, – скажет уже о своей эпохе, постперестроечной, Наталья Егорова. Именно новейшее время заставляет её вновь обратиться к истории России, к её стержневому корню. Для истории всегда важен не только фактический облик эпохи, отдельной личности, но и важно их отражение в культурной памяти современников и потомков. Не напрасно звучит сегодня завет классиков – чтобы представить будущее, надо непременно заглянуть в прошлое. Опоэтизованная Н. Егоровой легенда о Китеж-граде содержит зримые, забываемые мифопоэтические истоки художественной картины мира и говорит о том, что всё в истории когда-то было. Высшая точка её – воплощение Христа; всё, что после этого – удаление. Может, поэтому и нужно отыскать этот “взыскуемый град”, может, в нём наше возрождение? “Таинственный град”, затонувший в водных глубинах, не перестает волновать до сих пор.

Предание гласит, что только те, кто чист сердцем и душой, найдут свой путь в Китеж, в “Русскую Антлантиду”, что скрывает озеро Светлояр. Двойственный образ, потаённый, в котором есть и мрачное, губительное отражение тёмной бездны, напоминающей человеческую душу, замутнённую плохим, покинутую Богом, уставшую без Него в своём одиночестве:

*Слезой сквозь набухшие веки
Пробьются страданья твои.
Сольются в печальные реки
Все долгие муки земли.*

*А утром прощенье приснится.
Увидит очищенный взгляд,
Как в каждой слезе на реснице
Всплывает взыскуемый град.*

Но не только из фольклорно-мифологической традиции вырастает творчество поэта. Прежде всего, оно питается почвой национальной, включающей эпическую, философскую, метафорическую составляющую. “Всё великое в искусстве исходит из недр глубоко национальных”, – отмечал Немирович-Данченко. Драматичное полотно русской истории, насыщенное мощными образами, – произведение Н. Егоровой “Волоковая”, которое можно отнести к историко-философской поэзии и которое, безусловно, по праву может занять особое место в жанровом и тематическом многообразии современной литературы России.

*Черны чугулки, и старинные живы ухваты,
И угли в золе полыхают, как звёзды в ночи.
Ты крестишь порог и гостей приглашаешь у хату,
И ставишь картоху в остывшем горшке на печи.*

*И шепчешь устало, по углям бывлое читая,
А Каспля шумит и, как щуку, хранит твою весть,
Что волок лежал за деревнею Волоковая,
Ведь тысячу лет простояла над озером весь.*

Национальная трагедия всех войн, когда человеческая жизнь теряет свою ценность, ныне приобретает новое осмысление, что, разумеется, здесь прочитывается. К тому же точно отразился народный характер эпохи, история войны и мира, жизни и смерти – основа бытия Руси – крестьянство, земля-кормилица. Миг бытия, что становится поэтической вечностью. “У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день”, – гласит Священное

Писание (2 Пет. 3:8). Метафорические архетипы, сложные ассоциативные образы – жизнь в бесконечном вселенском времени величественно предстаёт в этих планетарных стихах. Развёрнутые метафоры вширь и вглубь создают метафоризацию текста в целом.

*И сколько жила ты — войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты всё ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.*

*Ты чёрные руки положишь на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях, позавяжешь на память узлы.
Разломишь картоху — великая вечная Матерь,
Вся в чёрных морщинах чернее земли и золы.*

*Зарю над деревней твоей повернуло на полночь,
И звёзды над Каспией на волок идут посолонь.
Ты смотришь во мрак и, беззубая, шамкаешь: “Помню!”
И в старой печи поднимается Вечный огонь.*

Символ огня – древний родовой очаг, что из плоскости земного бытия восходит в пространство духа, разжигая небесный вдохновенный огонь, который негасимо пылает в поэзии Н. Егоровой. Разве не русские женщины вынесли на своих плечах все тяготы и лишения, разве не их измождённые от непосильного труда руки сеяли хлеб, сохранив Россию, её детей, а значит – будущее?! Самое заветное и глубокое в народе – материнское сердце. Об этой народной силе, рождённой в дереве матери, писал Андрей Платонов в рассказе “Дерево Родины” – “божье”, так прозвали его старые люди: “<...> у последней избы росло одинокое божье дерево”, – которое сын постоянно вспоминал на войне, попав в плен и восстав всем русским духом против смерти. Ведь жизнь ему дала мать, и никто не вправе её отнять! “Дерево жизни”, согласно Владимиру Топорову, “актуализирует мифологический образ жизни во всей полноте её смыслов и, следовательно, противопоставлено дереву смерти, гибели, злу”. Платоновский язык мирового величия матери, возраставшей на родной земле и своих детей, и древо жизни, что вплелось корнями в сердце русского человека, проступает и в стихах Н. Егоровой, глобально открывающих нам разное понимание времени. Историческое – линейное время, в отличие от того же циклического. Хотя в чём-то линейно и нынешнее время. Автор даёт понять, что история состоит не только из событий, а из явлений тоже. Вопрос лишь в том, что считать событием. Победы и войны, которые забываются и переписываются историей, или боль и слёзы матери, спасительный огонь “в старой печи”, которому не погаснуть вовек, пока стоит земля русская и её “великая вечная Матерь”, пока побеждает её грандиозная материнская мысль?! А может, пока стоит русский человек, генетически не забывший свою праматерь, бросившую когда-то в земную почву зерно, что проросло и дало плоды небесные, духовные? Решайте сами!

Тексты Натальи Егоровой многомерны, их смыслы выходят за пределы сиюминутного, а творчество воспринимается как национальное явление современной литературы, продолжающей русскую классическую традицию. Все её произведения – мера судьбы, мера каждого события жизни, окрашенного мощной нравственной силой, укоренённой в национальной почве. Вот и стихи “Гнёздово” очерчивают вечный круг бытия, размыкая и замыкая его вновь, ибо сам мир молит “о возвращении сюда”:

*Мы придём однажды, утром рано,
Хвойною дорогою туда,
Где о камни гнёздовских курганов
Шкуру трёт днепровская вода.*

*По долинам смерти свет клубится,
И курганы чуть дрожат во мгле,
Будто это свили чудо-птицы
Гнёзда исполненные в земле.*

Однажды – слово, преодолевающее проклятие временем. Единственность и неповторимость утверждения всего происходящего – однажды. Пред нами простираются скифские курганы, напоминающие древних “чудоптиц”, – всеобщая соединённость с миром природы, – где за каждой метафорой – земная сила, связывающая автора с природой Руси. Но сила земная напитывается и силой небесной, как в других стихах, полных трагического эпоса: “А вещая песня – великою вестью красна. // Мы вновь побеждаем. И снова приходит весна. // Но Феникс горит, и сгорает в огне окоём, // И воют развалины в сердце бессонном моём” (“Когда отходил от соборов пылающих лях...”) Образ волшебной птицы Феникс, стародавний, сказочный, что воспламеняется от небесного огня, взлетая ввысь, здесь не случаен. Он живёт во многих мифологических культурах, а к нам пришёл из исторического Средневековья Руси, символизируя веру в человеческое возрождение, в бессмертную жизнь во Христе.

Человеческая судьба интересна автору, когда она проходит на фоне истории времён. Пронзительный “свет из глубин бытия” излучает её Рогнеда, полоцкая княжна, сумевшая подняться над своей несчастной судьбой и остаться в веках символом веры и любви, навечно найдя успокоение на белорусской земле, в одном из тихих и живописных городов, Заславле. “Но пустая судьба человека // не волнует всевидящих птиц”, – так может этот архаичный образ, взирающий на жизнь людей бесстрастно и равнодушно, видеть и их судьбы. Н. Егорова в стихотворении “Прадед” не просто рисует судьбу, она пишет настоящую сагу: рассказ об эпическом прошлом, но рассказ, непременно включающий семейную, родовую историю, которую посвящает своему прадеду, священнику, расстрелянному за веру.

*Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба — мученик простой.
Вновь горит на чёрной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.*

*Под распевы древней Литургии
Бьётся грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат — вино и хлеб.*

Как же ясно было всё в этой незамысловатой жизни, ход которой внезапно нарушился: “И, смеясь, цвела твоя округа // От молитвы древней и простой // Синей-синей васильковой выюгой – // Осиянный Богом красотой”. По праву кровного родства пишущая эти сокровенные строки, в которых ощущается почвенность, первородство во всей полноте его жизни. Боль и вина за Русь не утихают, потому что потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти, какая есть потеря всего, что и случилось с её прадедом. Ведь в его невозполнимой потере род лишился и своих полнокровных корней:

*Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы — да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.*

*Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Чёрны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Всё поёт: “Помилуй, Боже, нас!”*

Удивляет, насколько же потрясающим слогом и языком XIX века, абсолютно не свойственным нашему времени, написаны пронизанные божественным светом любви к матери стихи “Мама моя, из-под тихих седин...” Они несут Вечный свет взаимной любви, струящийся из материнского и дочернего сердца. Разве возможно это измерить?! “Плод твой, таимый до оного дня // В древней, открытой мирам глубине – // Как ты носила когда-то меня, // Так ты сегодня созрела во мне”, – честно, признаюсь, подобное я читаю впервые.

Какой-то сладкий ком в горле, внезапно перехватывает дыхание, и подступают слёзы. Много ли нынче таких стихов, от которых плачешь?! От классиков — да, от современников — нет. Невероятно, но это бывает, когда строки обволакивают тебя, уносят в другую реальность, где и есть жизнь настоящая, в своей изначальной природе искренних чувств, жизнь чистого влюблённого сердца: “Долго ты зрела в дочерней тиши — // Мира основа, вселенская ось. // В необоримых просторах души // Всё с твоей нежностью тихой срослось”. Не менее прекрасно и стихотворение “Сини очи бабушки моей...”, которое так же отвечает отечественной традиции философского катарсиса. “Я смотрю на мягкие черты, // На лицо без хитрости и зла. // Больше нет в России красоты — // С вашим поколением ушла”... Однако кто же знал, что будет эта Родина продана, и придут совсем не такие времена, и будут поэтом написаны портреты, изображающие лица ненужных стране людей, про которых обычно не пишут. “Нищенка с голубями” со своей несчастливой судьбой, на какую снизошло Божье милосердие, и “Старуха”, полуголодная, одинокая женщина, брошенная собственной же страной на выживание: “Она дошла до самого Берлина. // ... Подайте ж милостыню ей! ..” — как укор всем живущим пробивают насквозь эти эмоционально сильные строки, взывающие к совести и справедливости.

Характерный, самобытный мотив в творчестве Натальи Егоровой — это мотив русской провинции, сотворённый ею пронзительно и благородно, с незабываемыми символами малой родины. “В подлинности, в живой правде того творческого поведения, которое... дышит в каждой... строке”, — видел ценность поэзии художника слова Вадим Кожинов. Провинция отдала лучшее русской поэзии. Она должна быть обязана ей чистотой и душевностью. Примечательно, что в стихах Н. Егоровой при всей их интеллектуальной глубине напрочь исключена некая библиотечность ума, скучное однообразие, наоборот, везде присутствует живая связь слов и земли и неба, есть та сила слов, что заключается именно в их традиционной “провинциальности”. Книга Натальи Егоровой “Русской провинции свет” удостоена Всероссийской православной литературной премии имени Александра Невского Санкт-Петербургской Свято-Троицкой Александро-Невской лавры — это дорогого стоит. Стихотворные циклы автора, адресованные провинции, читаются как единая восхитительная поэма уходящей старины, которую можно найти, лишь затерявшись в русской глубинке. Таковы и стихи о родителях — своеобразное признание в любви тихому провинциальному уголку бытия, его незыблемым вековым устоям, его поистине мудрому патриархальному укладу:

*Русской провинции тайна —
В брызгах смородины сад.
Локон сирени случайный,
Синий, как ласточка, взгляд.*

*Крыши в черемушных тучах.
В облаке мальв — резеда.
Ворот колодца скрипучий.
В чёрном провале — звезда.*

Не в этой ли неразгаданной тайне сокрыта её магическая власть и притягательная сила? Попробуем раствориться в глубине природы, словно пропуская через глубины своей души её же образы:

*Кто же назвал тебя — сонной,
Нищей, убогой, больной?
Светел покой, осенённый
Древней лесной тишиной.*

*Свят — у поющих обочин
Сосен и вереска дым.
Зачаровала ты очи
Отрокам тихим твоим.*

И не в ней ли одной, завещанной нам с рождения Богом и некогда покинутой, последней обители, всё ещё хранящей тут былую величавую державность, наше с вами спасение? Вспомним Блока: “И я люблю сей мир ужасный: // За ним сквозит мне мир иной, // Обетованный и прекрасный, // И человечески-простой...” Человеческую простоту, сокровенную тишину души и мысли сосредоточила в себе провинция – Воскрешение вопреки и благодаря. Не нарушая ход времён, живут своим размеренным старинным укладом, почитая давние русские традиции, и “дорогобужские мещане”. И это хорошо, ничего унижительного и мелкого по значению, как пытались нам привить, в этом слове и названии нет, потому как не прерывается кровная связь поколений. Слава Богу, что пока Россия не перестаёт удивлять своей неброской красотой природы, скромным “бытом старинным, провинциальным”: “домики жёлтые с белыми трубами” – всё тут знакомое, родное и близкое до слёз. Гоголь удивительно отзывался о языке русской провинции, сочетающем в себе великое и простое. Он считал, что в глубине России существует система знаний о природе и мирозерцании, разработанная самим народом. Писатель призывал сохранить, не потерять ту единственную Россию, в которой тепло и спокойно было бы нашей душе. Нечто бунинское, светлое, освобождённое от мировых скорбей и утрат, лёгкое счастье детства, утопающее в свежем цветении и буйстве природных красок: “радость, вольно бьющая из трав”, “дерзкий праздник любованья” – весь мир и вся жизнь упоительно звучат и в стихах Натальи Егоровой: “Сто шмелей из ста ромашек пьяных // Прозвенят шмелихам на лугу. <...> И на дне сетчатки отразится // Сквозь гудящий зноем медовар // Родина – как свищущая птица. // Родина – как солнечный удар”, – завершающие строки которых действительно, как солнечный и восхитительный удар в сердце.

Так велика и неизбывна Россия, так велик и неповторим русский человек! И характер его, порой непредсказуемый, мятущийся и страстно жаждущий свободы, что замечал и Бердяев, зависит от необъятных и вольных просторов России. Поэтому русский человек всегда в пути, всегда в дороге. Древний архетип дороги испокон веков олицетворял Русь. “О, Русская земля! Ты уже за холмом...” – приходят на ум вещице строки “Слова о полку Игореве”. Время идёт по кругу, но круг, как известно, замкнут и равен вечности. Движение времени подобно спирали – переживание нового, неизведанного, но не с чистого листа, а с памятью о пережитом прежде. Отсюда и динамичное произведение “Третья скорость...” – это не гимн дальним дорогам в его традиционном романтическом понимании. Дорога – мощная составляющая, формирующая в данном тексте развитие метафоры “крутая дорога” в философском представлении тех испытаний, что выпали на долю России. Очень часто художники, изображая дорогу, прибегают и к ассоциативному образу поезда. Н. Егорова использует совсем неожиданный элемент, создающий свой определённый темпоритм стиха, – машину, побеждающую российскую дорогу, вернее, её бездорожье:

*Третья скорость. Печаль и тревога.
Быстрый промельк летящих огней.
Вновь живёшь ты, ночная дорога,
Потаённую жизньнюю своей.*

*Плывя тени и светлы живые,
Спят деревни и реки обочь.
И машины — громады ночные —
Исчезают, как призраки, в ночь.*

Дорога – скорость в стихах, разлёт, когда нужно уловить правильную интонацию, оказаться в центре пространства и времени, тех категорий, которые единственно равны и непреложны главным законам бытия, когда жизнь и поэзия летят вместе, в одной ключевой связке:

*И рождаясь во мраке могучем,
На обочине бросив село,*

*Вся Россия, как звёздная туча,
В лобовое несётся стекло.*

.....
*Нас пленили в пути бесконечном
Не леса и столицы вдоль трасс —
Ясно зрящая звёздами вечность,
Мир, что выше и праведней нас.*

Почувствовать “смысла живую основу”, чего некогда так жаждал Заболоцкий, ощутить надмирность происходящего, дающую обозрение внутри себя и вокруг, — то, что зримо открывается в лобовом стекле стремительно несущейся машины, будто в иллюминаторе космического корабля:

*Но на чёрных разбитых дорогах,
Мчась лесами к Полярной звезде,
Ждали правды и вечного Бога,
Забывая легко о себе.*

*И миры различая во мраке,
Пели песни России своей,
Наплевав на дорожные знаки
В тройном космосе встречных огней.*

Нескончаемая дорога России становится целым пространством Земли и Неба. Она лучшее лекарство от всех бед, ведь движение вперёд — это Вера. А значит — и вечная надежда на то, что у Бога непоправимости нет.

“Древний Космос и наша Земля”

“В поэзии мне всегда хотелось проникнуть в неведомые глубины — будь то глубины сознания, духа, вселенной, соединить несоединимое — Христа и устремлённость России в космос, жизнь русской провинции и задымленного мегаполиса, заглянуть в тайники человеческой души и подслушать мысли цветка. Для меня весь мир — живой, весь — мыслящий. Провести границы между живым и неживым, разумным и неразумным мне никогда не удавалось”, — пишет Наталья Егорова в предисловии к своей книге избранных стихотворений “Русской провинции свет”. Именно эти её мысли приводит в обзорно-критической статье, упомянутой нами выше, и Сергей Куняев. Мир един. Мы лишь небольшая частица огромного космоса. Вселенная — извечная загадка бытия. Индивидуальное виденье вещей окружающих, повседневных Наталья Егорова совмещает с планетарным кругозором вещей глобальных — бессмертия Космоса, ставшего расцветом жизни, разума и творческого гения человека. Об этом ратовали русские мыслители-космисты: К. Циолковский, А. Чижевский, В. Вернадский, веривший в мечту о ноосфере, идею всеединства воплотил в своих трудах философ В. Соловьёв. Выдающиеся учёные, прежде всего, видели и ставили в науке великую цель духовного преобразования человечества. Личностно-мировой взгляд помогает и Наталье Егоровой овладевать философскими категориями высшей духовности. “Свет плывёт по великому кругу // От коптилки к Душе мировой. // Ночью в чёрные дыры округу // Тянет вместе с землей и травой. <...> Тянет в омут познания планету. // В чёрных дырах, а всё же живём. // Видишь, Боже, и мы не без Света // В погибающем мире Твоём!..” — низкое и высокое, казалось бы, несовместимое сопрягает она, уверовав в разум и волю Творца, в искру Божью.

Стихотворение, начинающееся строками “Когда опускается ночь над твоей головой, // Огромное небо беседует внятно с тобой”, — объединяет в себе три начала: Землю, Небо, Космос, глаголящий “огнём остывающих звёзд”. Грандиозность картины впечатляет необъятностью двух природных стихий, где торжествует небесно-земная принадлежность, где невозможно одно отделить от другого, разять на части, настолько всё в мире до мельчайших подробностей и деталей продумано Создателем:

*Всё больше созвездий. Всё больше неведомых снов.
 Всё больше над миром горящих огнями миров.
 Земля шевелиётся в пространстве, расступится тьма,
 И мир неизвестностью сводит, как в детстве, с ума.
 И мир искушает, огромностью тайны маня,
 Прийти приглашает для жизни — тебя и меня.
 Мы сходим с крыльца — прямо в снег и трескучий мороз.
 И лает нам вслед житель вечного космоса — Пёс.*

Природа в поэзии Натальи Егоровой всегда космична. В почвенно-космических, живительных связях она находит ответ и на мучительные вопросы истории, так неожиданно сулящие выход из “детского сна несбывшейся мечты” в пространство иных измерений, туда летит и её “Небесный конь”: “Да что терять седым усталым детям, // Над ложью мира вставшим в стремя! // Лети же, конь! Спасенье есть на свете! // Мы не вмещались в наши времена! <...> Лети же, конь! Над отчею разрухой, // Над чашей боли, выпитой до дна, // Над областью растоптанного духа — // Навылет пробивая времена!” (“Швырнет Смядынь багряных листьев с неба...”) Поразительно, что это было написано явно в сложный жизненный период, но какая колоссальная энергетика духа, поднимающая человека над собой, уносящая от всего суетного и вновь возрождающая его для жизни, словно огненную птицу Феникс!

Время, когда ты живёшь, как в космосе, свято храня свой секрет, — это твоё бессмертное детство. Детство — такая пора, когда и день, и минута, и мгновение осознаются вечностью, длясь до бесконечности. “Древней тайной зажгутся пути и миры. // Скроют сумерки смерть и зачатые. // Тайной Жертвы нальются Святые Дары. // Тайной Господа вспыхнет Распятые”, — дорогу к небесной родине — вертикаль, вверх, в Небо выстраивает автор в стихотворении “Секрет”, дающую удивительную возможность увидеть нечто за горизонтом, встретить “жизнь и рассвет”. Собственно, повседневность и есть счастье, которое доступно лишь детям, способным придавать ему свои необъяснимые смыслы. Просто надо жить на родине, как в детстве, спокойно постигая упорядоченность мира, что во взрослой жизни, да, видимо, и в самой русской жизни, — исключение. “Наше детство поёт над лесами, // Где разумны все твари подряд. // Ведь Господь между миром и нами // Никаких не поставил преград” (“В лодке”), — ибо нет “пределов говорящим мирам естества”, уверен поэт. И кто знает, не отдыхала ли природа от своей упорядоченности, чтобы, собравшись с силами, из хаоса вновь превратиться в космос?

В любом случае, космос — особая тема в творчестве Натальи Егоровой. Весь XX век был ознаменован новым космическим мировоззрением, мистическими предчувствиями. Познание Вселенной, как и путешествия первооткрывателей, подтверждали миру непрерывность пространства. Причём становится очевидно, что человек летающий видит больше и дальше человека, крепко стоящего на земле, прямоходящего: чувство полёта, наблюдательности и жажда открытия движет им. Вот и стихотворение “Лампа Гагарина” рассказывает о горестных моментах детства будущего героя космоса, о том, как русский человек мог даже во время войны, в эти самые тяжёлые периоды жизни, не забывать о своей мечте, всматриваться в грозное небо и видеть звёзды, создавать свой космический рай, придающий ему силы быть человеком!

*Бродит смерть по военным дорогам.
 Пахнет кровью в колодцах вода.
 Догорает в землянке убогой
 Керосиновой лампы звезда.*

*Над темнеющим Клушиным небо —
 В чётких фарах немецких машин.
 Над краюхой чёрствого хлеба
 Плачет мальчик — Гагариных сын.*

.....

*И великий огонь Аладдина
В мир выводит из творческой тьмы
Звёздный космос, плывущий лавиной
Над фронтами военной зимы.*

За святой наивностью, трепетным испугом той детской судьбы смоленско-го мальчишки проступает и вся его будущая большая судьба, предначертанная свыше и подкреплённая непоколебимой верой в Победу. Сами Силы Небесные помогли России в её жертвенном порыве к Победе, в защите жизни и мира, в торжестве правды: “И вминают, буксуя, машины // Звёзды в грязь, вдоль воронок руля, // Чтобы стали однажды едины // Древний Космос и наша Земля”. С точки зрения человеческого разума всегда было и будет существовать непостижимое, сверхъестественное, необъяснимое. Божественное предназначение удивительным образом соединяется здесь с предназначением космическим. Не бывает истинного знания без веры, но и сильная вера превращается в знание. Космический взлёт — и нет глубины падения человека в бездны мрака и безверия, пока кто-то может вымалывать его из этих бездн, пока чья-то душа сохраняет связь Земли и Неба, раскрывающих сакральные таинства: “А Гжать за храмом делалась все тише, // И говорил со звёзд могучий Дух, // Что всех орбит и всех планет превыше // Вот это пеньё скорбное старух. // Что где-то там, причастный тайнам Духа, // Летит Гагарин в вечной звёздной мгле, // Пока поёт последняя старуха // В забытой церкви Богу — о Земле” (“Гжатск”).

Русский мыслитель Н. О. Лосский писал об интеллектуальной интуиции, направленной по ту сторону мира, к сверхкосмическому принципу — Звёздной философии будущего, — рассматривая мир как органическое целое. В структуре мироздания искал смыслы учёный А. Л. Чижевский, биофизик, философ, поэт и художник. Раздвигает привычные смысловые рамки и Н. Егорова: её стихотворение “Тёмное небо. Провал в неизведанный мрак...” проникнуто неземной философской глубиной и высотой помыслов, предельно обнажено, открыто миру, предельно исповедально в своём трагическом стоицизме:

*Тёмное небо. Провал в неизведанный мрак.
Мысль неземная таинственно напряжена.
Над косогором качается огненный мак.
Думают сосны. Тревожная светится мгла.*

*Что там потряслось? За леском закричала желна?
Что там случилось с таинственной жизнью моей?
Дизель прошёл? Одинокая зрелость пришла?
Встану на тёмном крыльце посредине скорбей.*

*Чутко услышу, как падают капли на жёсть,
И, приутив к неземному простору печаль,
Хвои вдохну и отвечу вселенной — я есть!
Вечному небу раскрыв соразмерную даль.*

В одной строке сосредоточены два или даже три предложения, где точка — не просто знак препинания — она сжатая конкретика скрытых смыслов. Лирическая героиня вышла навстречу неведомой, роковой силе, вышла, словно леденя от собственной смелости, преодолевая космический холод веков и утверждая саму себя. Ведь в отчаянном одиночестве нет предательства самого перед собой, и ужас перед мирозданием может быть побеждён. Литературные параллели ведут к выдающемуся поэту России Светлане Сырневой, к её не менее поразительным стихам “Противостояние Марса”, и тут же другая параллель — известный поэт Николай Заболоцкий и его стихи с таким же одноимённым названием. Строки из произведения С. Сырневой ярко свидетельствуют о метафизической силе противостояния неведомым планетарным связям:

*Я не ищу судьбы иной
и не гонюсь за лёгкой славой:*

*не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.
Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.*

У Н. Заболоцкого речь идёт об отрицательной оценке разума, когда “дух, полный разума и воли, // Лишённый сердца и души”, рационально испытывает человека на стойкость:

*Был бой и гром, и дождь, и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.*

*И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездн синей
Смотрел внимательно на нас.*

Поэт изначально противопоставляет бесстрастному равнодушию и холоду планет человеческую душу, наполненную светом, принимающую эту землю, пусть горькую, но всё равно любимую им до слёз, до сердечной боли:

*И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не потеряли
Души единственной своей.*

*Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета —
Земля воскресшая моя.*

Разумеется, поэтика стихотворений Н. Егоровой, С. Сырневой, Н. Заболоцкого стилистически отличается, хотя сравнения — вещь опасная и невыигрышных сопоставлений вообще-то лучше избегать, но это как раз тот случай, когда “бывают странные сближенья...” Тем более что мысль у них одна: человек должен выстоять в этом непостижимом мире не только перед любой природной стихией, но и сам перед собой. Разные поэты — неповторимые индивидуальности, но все они наделены исключительным духовным зрением. Их стихи покоряют необыкновенным мистическим ритмом. Кантовский таинственный императив близок и Н. Егоровой. Кантовское звёздное небо и нравственные законы внутри нас побеждают так же и в её произведении. Стихи Н. Заболоцкого “Противостояние Марса” вошли в Антологию русской поэзии. Думаю, что и стихи Н. Егоровой также этого заслуживают. Прочитаем внимательно их дальше:

*Дышится вольно на звёздной околице трасс.
Каждой былинке написано здесь житиё.
Снова ты думаешь, сильное Небо, за нас:
Быть иль не быть нам? — и властно диктуешь своё.
Верно, что ты, наделяя судьбой свою дочь,
Чувствуешь то же, что люди Земли искони?
Гляну с крыльца — во всю древнюю долгую ночь
Звёздной Психеи горят роковые огни.*

*Знаю тебя, как себя, вечный морок души.
Кто ты там — хаос иль космос за облаком хвой,
Милуй, карай, — только звёзды гасить не спеши.
Вся я раскрылась — и молча стою пред тобой.*

Героиня мужественно совершает выход в область свободы — своей собственной, тесно соприкасающейся с информационным космосом, — Абсолютом, соединяющим и тело, и душу, и дух. Как будто разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Свобода Духа в глубоком, если угодно — религиозном смысле слова. Свобода как дар Божий. И как не вспомнить вестника миров иных, мистика и пророка, воина и героя М. Ю. Лермонтова, как не принять его такое же внутреннее одиночество, метафизически чувствующее природу и человека, а ещё тот неведомый мир, частичку какой-то незнакомой, застывшей, мятущейся планеты, так похожей на души людей, фатально обречённых на непрестанные поиски самого главного — Бога в себе.

“Бог спасенья и Бог бытия”

Религиозный мыслитель Константин Леонтьев призывал реализовать одну-единственную мечту о призвании России восстановить единство христианского мира. Человечество должно видеть цель. Иначе оно погибнет. Мысль, лишаящую русского человека Христа, в России не внедрить никогда. Россия, что понятно из её многовекового пути, живёт в вечности, а Христос — это и есть вечность. Ибо только вера делает человеческую жизнь изначально ясной и определённой. Но нам сегодня пытаются привить некую теплохладность, безразличие, некое духовное равнодушие. Вера, Родина и Бог даются каждому от рождения, даются естественным ходом природных вещей, тогда как знание и опыт приходят гораздо позже.

*Высок мой Бог. А полдень мира — чист.
Простёр Ты землю, как кленовый лист.
Здесь между чёрных хат по солнцу вод,
Пугаясь, лебедь белая плывёт.
В ботве борозд за островом осок
Трещит картошкой старый костерок,
И Богородица, откинув плат,
В грибном лесочке крестит листопад.
Мычат коровы. Пахнет сеном тьма.
Зачем мечтать? Мечта сведёт с ума.
Копай картошку, пей дожди полей
И песню пой о родине своей.
Пространство — слушай. Времени — внемли.
Лишь кротких ждёт наследие земли.
И дедам Бог — к молитвам гордых глух,
Земную ширь вручил за кроткий дух.
А клёны полыхают всей листвою,
Что жив Господь. Что Бог всегда с тобой.*

Из этого стихотворения Натальи Егоровой, дышащего светлой любовью к Богом данной родной земле, не представляется возможным удалить ни одной строки. Во всём ощущается присутствие Всевышнего и бережное касание души нашей, направленной Его рукой к добру и просветлению. Вечная русская молитва, русский дух — победитель всех страданий. Бытие невозможно без веры.

“Есть какая-то грозная власть, перед которой нужно держать себя в чистоте, чтобы не погибнуть окончательно... совесть, трепещущая перед Богом”, — предупреждал Василий Розанов. Заповеди Божьи, органично вплетаясь в саму жизнь, со спокойной уверенностью входят и в поэтические тексты Натальи Егоровой. Сердечный, совестливый человек тождественен по существу религиозному человеку. “Прощаю смерть в последней глубине, // И мир, что не нуждается во мне, // И жизнь, что, полыхнув, почти прошла. // В земном пути — не поминаю зла. <...> И говорю: с земной своей судьбой // Смирись — и вспыхнет солнце над тобой”, — это и есть главные библейские заповеди. Прощение, смирение, преодоление страха смерти, которой не надо бояться, ведь для православного человека существует память смертная, те узкие врата, за которыми после рождения является вторая и главная тайна нашей жизни, где смерть — точка стечения всех человеческих

одинокость, одиночество последнее и крайнее. Оно предупреждает, что в последнюю минуту каждый остаётся наедине с Богом. “Многими скорбями надлежит нам войти в царство Божие” (Деян. 14:22), – гласит Писание. Текст Вечной Книги Наталья Егорова прочитывает тоже по-своему, отсюда и такая неординарная трактовка её сюжетов. Связь между людьми через Бога и связь с Богом через людей проявляется в стихотворении “В последнем из странствий. . .” У Бога нет времени – только вечность. И все у Него живы. Во времени конкретном нуждается лишь мир материальный: “У вечного Бога // Кончается время в руке”, – напишет Н. Егорова, подразумевая лишь земную конечность бытия для любого живого создания, будь то маленькая букашка, неутомный кузнечик или беззаботный мотылёк. Но есть и другие пределы, когда она скажет: “У вечного Бога // Меня подожди хоть чуть-чуть! // Не ради свиданья, // Не ради любовных утех, // А ради молчанья – // Последнего знания на всех”. Точно замечено, мудро. Сколько раз в жизни нам приходится жалеть о сказанных словах, имеющих магическое свойство сбываться, но никогда – о молчании. Екклесиаст не зря напоминает нам: “Всему своё время. . . время молчать и время говорить” (Екл. 3:1,7).

В стихах Натальи Егоровой нет уныния – этого смертного греха, очень часто приводящего к отчаянию. Православная религия несёт радость жизни, радость встречи с человеком и с Богом. Давняя русская традиция всегда считала наиболее судьбоносными и достоверными произведения исповедального характера. Внутренняя исповедь, честная, где-то беспощадная, вне сомнения, – самое ценное в литературе. “И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо, // Озоном любви и грозой сомнений дыша, // Признаюсь я честно, что молодость неистребима, // Как неистребима и в чёрной печали душа”, – откровенно льётся её строка, в которой и боль, и надежда, и радость – горько-сладостный напиток, что полностью ещё не испит из чаши жизни. Радость – великое чувство, далеко не каждому оно даётся, чтобы вот так легко, не будучи отягощённой грузом бытия, высказать сокровенное, словно пропеть саму жизнь:

*Я несу свою ношу, не зная
Потаённого смысла пути.
Но, страдая, Христу помогаю
Крест Его до Голгофы нести.*

*И рождается в сердце беспечном
Невозможный и ясный ответ:
Если жить, то, конечно же, вечно,
И сомнения в выборе нет.*

*Что мне смерть, если дышат приветом
Жизнь моя и судьбина моя,
И твердит о бессмертье из света
Бог спасенья и Бог бытия.*

Екатерина Козырева, анализируя поэзию Натальи Егоровой, подчёркивает: “Поэтическая почва Натальи Егоровой укрепляется торжеством православия и утверждается многовековой историей нашего Отечества. Историческая тема в современной русской поэзии разве что Юрию Кузнецову была по плечу. . . Как Россия своеобразна в своей истории, так своеобразна и её поэзия. Поэтессе удалось соединить духовное творчество с исторической его основой. Она работает со словом, как археолог на раскопках, осторожно извлекая найденный предмет, оберегая его, очищая, с любовью всматриваясь, и, наконец, передавая всем на обозрение – таково свойство её терпеливой музы: “Купол и крест в златоструйной листве. // Тёмные лица старух. // Белые козы на синей траве. // Древний, сияющий дух. < . . . > Пусть пролепечут беззубые рты // Сказ о добре и о зле. // Это – последний оплот красоты // На запустевшей земле” (“Терпеливая муза”).

Таков русский мир поэта в широком, надмирном, понимании этого столь распространённого ныне словосочетания. Связь неба с землёй не так проста, как мы привыкли считать. Надмирность – что в этом слове? Надмирность же включает главное качество – святость.

В сиюминутной изменчивой реальности остаётся нетленным в веках и творчество русского иконописца Андрея Рублёва. Неземным светом вечно-го духа просвечивают сквозь столетья лики его Святой Руси. Воистину ему было дано по вере. Он доказал первостепенное: для человека нет ничего невозможного. Русь и давала художнику силы творить, превозмогая трагизм бытия. Молчащее искусство скорбного бесстрастия будто заговорило, услышав голос, ниспосланный Богом, чтобы сказать человеческому сердцу гораздо больше, пронзительнее любых слов.

*А ты, чернец, где мог, искал свой жребий —
Безвестный гений с метой на челе,
Земной тропой скитался, словно в небе,
Тропой небесной шёл, как по земле.*

*Ты видел здесь трубу сгоревшей хаты,
В спалённых градах — мёртвые тела.
Ты видел там — бой ангелов крылатых
Над бездной вулканического зла.*

*Но где нашёл ты синь и охру эту
И дух, такой высокий и святой,
Что ни один из мастеров планеты
По силе не сравняется с тобой?*

Только учась у самого Творца, можно было сотворить подобное. Гениальный художник земные дни, отпущенные ему Спасителем, провёл без оглядки, с великой верой, любовью, с надеждой на возрождение Руси. Так жизнь превращается в житие. С древних времён Бог призывал человека найти самого себя и свой путь на земле. И на память приходят евангельские слова: “Царство небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его” (Мф. 11-12).

*...Ожжёт роса... Заломит тяжесть тело...
Лежать в траве и с детской верой знать,
Что хорошо, проснувшись в роще белой,
На Троицу берёзы заломать.*

*И слушая, как солнце множит тени,
Как зреет рожь и шепчется листва,
Забиться в триедином постиженьи
Родной земли при свете Божества.*

Знак, символ, ядро древнерусской культуры — икона — церковный образ, соответствующий своему благодатному и спасительному назначению, столь же вселенскому, как и само Православие. Икона, источая бесчисленные чудеса, изначально могла противостоять силам зла, силам тьмы в те давние времена, в недрах которых зарождались сакральные символы Руси, она непостижимым образом предвосхищала грядущее, заключая в себе и веру, и диво дивное. Ф. М. Достоевский, досконально исследовавший духовно-религиозную проблематику в творчестве и не мыслящий судьбу России без христианского мировоззрения, говорил в “Братьях Карамазовых”: “...вера не от чуда рождается, а чудо от веры”. Иконописный образ несказанного света, удивительно сочетающий в себе два таинственных феномена, — Богородица. В произведении “Одигитрия Смоленская” Н. Егорова широкими и свободными мазками талантливого живописца рисует картину путешествия иконы Богородицы из Византии и дальше по русским просторам; этой иконе было суждено стать символом чистоты и искренности христианской веры. Как известно, Смоленская икона Божией Матери — почитаемая в Православии чудотворная икона Богородицы, — ограждает и защищает западные пределы России. Переплавить человеческие страдания в свет, дать надежду, исцеляющую душу, — в этом заключалось великое предназначение Богородицы на Руси: “Мчались конюшки снежной пустыни. // Колокольчики веяли грусть. // Из

далёкой земли Византии // Богородица ехала в Русь... // Протрубили: “Христос наш воскрес!” // – Гуси-лебеди в снежном раю, // И уделом Царицы Небесной // Назвала Ты Россию свою”.

“Божьего слова родник...”

Любовь и слово — вместе вы всегда...

Наталья Егорова

Сегодня, когда мы можем наблюдать расширение границ различных литературных направлений, их уход от традиционных жанров и стилей, важно сохранить эстетическое соотношение правды жизни и правды искусства. Вот что пишет Наталья Егорова о современной поэзии, пытаясь разрешить проблемы русского слова: “Мы утратили нечто первостепенно важное и фундаментальное — тот строй души, породивший особый строй русского стиха, который, подчас независимо от воли поэта и вразрез со сказанным, самим своим глубинным, неразрушимым христианским духом — любовью, гармонией, чистотой, архитектурной, звуком — свидетельствовал о том, что человек создан по образу Божьему”. Дабы дать читателю почувствовать динамику забытой письменности, аромат древнерусского источника, обратимся к её стихам “Берестяная грамота”, в которых она развивает идею Божественности Слова. Основа сущего — древнерусский язык славян, когда всё соединено в Боге, весь наш мир, представляющий вселенскую матрицу человечества с его бесконечным количеством судеб, записанных на всевозможных наречиях и языках:

*Вскинешь голову — полночь, прохлада.
Звук неясный... Невнятная мысль...
И слепит белизною и ладом
Рябь стволов, уходящая ввысь.*

*Словно букву, под веяньем мига
Метку чёрную тронет рука,
И раскроется древняя книга
В мерном шелесте березняка.*

*Это наши разлуки и встречи,
Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность
На глаголице дальних миров.*

Древнее Слово, полузабытое ныне, инобытие — самое трогательное прикосновение к душе человека, равноценное прикосновению Бога. И самые сильные, самые лучшие слова надо искать в истоках старославянского языка. Утерянная связь вещи и слова, не столь осязаемая сейчас, была неразрывна и очевидна на Руси. О чём это говорит? О том, что человек был ближе к Богу, к природе, к вечности, у этого человека не было лишних вещей и предметов, а было только существенное. Где и когда мы утратили эту “ариаднину нить”? — волнует и не покидает поэта мысль, от которой так много зависит в судьбе и в творчестве художника слова. Екатерина Козырева выделяет редкое качество литературного дара Натальи Егоровой — “писать стихи, как древнюю грамоту”. Она и пишет их, словно разворачивает ветхозаветный свиток, вмещающий длинную историю земли, где открывается один исторический пласт за другим.

*И за жизнь, что дарована даром
Вместе с белой берёстой дней,
Как за короб, набитый товаром,
Каждый просит цены покрупней.*

*Но ведь мы-то бессмертны, как Боги,
В блеске звёзд, на дорогах страны.*

*И не зря этих рощиц чертоги
Шепчут в полночь, что мы спасены.*

*И не вся наша правда — о хлебе,
Если лёгкий, как Божий сквозняк,
Разметавшись в темнеющем небе,
Спит и грезит во сне березняк.*

“Истина есть духовное завоевание”, — считал Н. Бердяев. Истинный момент мировоззренческих поисков Н. Егоровой, её духовное завоевание — первозданное русское Слово. В письме к Батюшкову Куприн говорил: “Но есть одна — только одна область, в которой простителен сам узкий национализм. Это область родного языка и литературы”. Он считал, что язык “требует самого нежного, самого бережного и любовного отношения”, а “русскую народную культуру и мудрость” определял, как “крестьянскую культуру и крестьянскую мудрость” (“Слово о русском Слове”, очерк А. Байбородина). Н. Егорова аналогично уверена в том, что сохранение нашей речи и нашего языка во многом означает и сохранение нас самих. Её стихи “Берёзовый венок” действительно можно назвать исконно русскими, — поскольку катастрофически иссякает духовный родник, питающий подобную поэзию, — напоминают нам о сакральных тайнах творчества, когда изначально поэт был человеком песенного и письменного текста. “Вскрывается Божьего слова родник”, и Боян, и Ходына — два русских песнотворца — поют о любви. Н. Егорова, а это невозможно сделать искусственно или, скажем, умышленно, концентрирует в себе уникальный талант: выразить в поэтическом слове целый спектр чувств, эмоций, смыслов, которые, как Божественное благословение, нисходят к ней свыше. Этот “берёзовый звук” “берёзовой музыки”, характерный только для русской поэзии, чего не отыскать ни в одной зарубежной литературе, — непреходящая мелодия всей России и мелодия её мощной лиры, становящейся с течением времени лишь многомерней, философичней. Она гениально высвечивает значимость творческого и человеческого наследия выдающихся русских художников слова:

*Я в берёзовой роще закрою глаза —
Меж стволами плывут голоса, голоса...
Русский терем души, белой Троицы храм —
Только листья и слёзы кипят по стволам!
Это Пушкин поёт о сиянии глаз.
Это Лермонтов демона зрит сквозь Кавказ.
Это плачет Есенин о рощах земли.
Это к Блоку, как музы, летят журавли.
Это Тряпкин из гнёзд выкликает скворцов.
Это спит в соловьином яйце Кузнецов.*

В чём же вообще предназначение творчества? Проклятие невыраженности Н. Егорова рассматривает применительно к себе в стихах, написанных в форме доверительного разговора с самим Творцом: “Попросила я Бога: “Даруй мне, Святой, // Дар поэзии — счастье без муки! // Стоит мира подлунного сон золотой! // Стоят верности вещи звуки!” Но бывает ли творчество без муки?! Занятие делом поэзии ближе всего к понятию миссии. “Белый дом запылал посреди тишины. // И узнавши, что люди — не братья, // Я пошла по руинам великой страны, // Имя Бога твердя, как заклятье”, — человеческое измерение, что соединяется с измерением Спасителя, как видим, при всей гиперболизации, художественном обобщении образов исключает что-либо абстрактное, чисто афористичное. Н. Егорова совершает выход в область собственной свободы духа, поражая своей откровенностью. Для поэтов земной и небесной, высшей правды, подобных Н. Егоровой, это неизменно, непреложно. Исповедальность её не замыкается лишь на себе, на своей личности, она полна боли за страну, за разорение отчих мест, за покинутые хаты и деревни, преданные забвению. Автор исповедует перед Богом и за нас, тогда творчество и становится служением. Сегодня многие художники ставят человека не перед Богом, а перед собой, сосредотачиваясь

на голом самовыражении, лишённом подлинной правды. “Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “исповедального характера”. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, для того ли, чтоб родиться для новых созданий, или для того, чтоб умереть, — только оно может стать великим”, — на все времена сказал Блок. “Меняются тревожные картины // Столиц, морей, роящихся светил. // Земную жизнь пройдя до половины, // Стою в лесу, как Данте говорил”, — личное признание в текстах Н. Егоровой переходит постепенно в извечную философскую исповедь человека и художника, ответственного за свои земные деяния. Отсюда понятна и жизнестойкость такой строки: “Ищу и в безысходности исхода”, как понятна и её гражданская “смелость жить разоренью назло...”

Следует обозначить и особенности художественного стиля, что присущи поэзии Натальи Егоровой, обратит пристальное внимание на процесс построения её стиха, совмещающий, казалось бы, несовместимое и вызывающий интерес своей достаточно объёмной композицией. Белинский всегда призывал художников создавать исключительно лаконичное и короткое лирическое произведение. Но у Н. Егоровой не всё однозначно, когда лирическое тесно сплетается с эпическо-драматическим. К тому же не бывает правила без исключений. Некоторые критики уже обращали внимание на длинноты её стиха, где-то чрезмерные для поэтического текста. Возможно, и так, но лишь отчасти. Лично я нахожу всё возможное и невозможное в произведениях Н. Егоровой, мне они напоминают мини-поэмы либо особую поэтическую прозу, когда неисчерпаема глубинная философия каждой строфы — ты не можешь напиться, не можешь утолить жажду, генетически накопившуюся в тебе, разливающуюся в твою кровь, бегущую по твоим жилам и нервам. Всегда ли одна краткость — основное качество таланта? Тот же Белинский отмечал следующее: “Творческая деятельность поэта представляет собою <...> особый, цельный, замкнутый в самом себе мир, который держится на своих законах, имеющих свои причины и свои основы, требующие, чтоб их, прежде всего, приняли за то, что они суть на самом деле, а потом уже судили о них”. Вот и многие стихотворения Н. Егоровой словно предчувствуют пред-стихотворный вариант, некий глубинный код, некую бесконечную словесную фактуру стиха. Вопреки канонам, она и творит свою поэзию, которую нужно понять и принять внутренне, в широком философском контексте, при этом осознать как непреложную данность, никем другим неповторимую, прочитать как собственную жизнь. А ещё услышать нарастающую, как гул, насыщенную метафоричность её поэтической речи. Н. Егорова изумительно использует такие тропы, как метафоры, которые тоже нужно чувствовать, ведь за ними очень часто стоит жёсткая конкретика.

*Я жила, как кувшинка озёр и болот,
Донный стебель толкнув в никуда,
Выплывала над глубями тёмных свобод,
Чтоб цветок не накрыла вода.*

*На губах отцветал неслышанный стих —
Звук крушения, вкус лебеды.
Но держала я голову выше других,
Золотую — над топью беды.*

*Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток,
Заплести меня в чей-то венок.
Но пружинистый стебель звенел про исток,
Вглубь толкал непокорный цветок.*

*И посмела я сердцем живым уцелеть
В тёмной тине и омотах вод,
И посмела я песню по-своему спеть
О застойном дыханье болот,*

*О теченьях и илах на сумрачном дне,
О зелёной речушек крови,*

*О таинственной древней озёр глубине,
Что меня родила для любви.*

(“С лёгких вёсел срываются брызги вразлёт...”)

Здесь буквально всё построено на метафоре, красочной, эмоциональной и по-философски глубокой. У автора нет безысходности, новое и вечное начало побеждает. “Я знаю в поэзии толк!” – воскликнет она в других стихах, увлекающих своей сказочной фантастичностью. Или, к примеру, стихи “Гонец неземного эфира...”, где воплощается особый и загадочный оттенок поэтического слова, который и придаёт жизни магнетическое напряжение, заставляющее автора “писать в неизвестную вечность, // Любить неизведанный Свет!” В русле этой метафорической образности не следует ставить во главу угла и сам критерий соответствия реальности в поэзии. Он в творчестве Н. Егоровой весьма условен. Метафорическое восприятие мира, напряжённая образность, космическая интуиция дистанцируют художника от его текста. “Поэт начинается там, где кончается человек”, – утверждал Хосе Ортега-и-Гассет, подразумевая то, что поэту открыто гораздо больше, чем обычному человеку, он способен творить то, чего нет, несуществующее. По мнению Льва Толстого, именно только “реальное изображение жизненных безобразий есть самая большая ложь в искусстве, ибо не из них состоит жизнь”. Нечто недостижимое, невидимое в реальности бытия пытается найти и Н. Егорова, пытается постигнуть тайну слова. Слова и реальность исследовал Н. Бердяев в книге “Судьба России”. Он писал: “Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живём в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания”. Магическая власть слова, творящего чуда, живёт и в поэзии Н. Егоровой, в нём одном заключается и великое счастье, и неизживаемая боль поэта.

Достаточно тонко и не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд, раскрывается в творчестве Н. Егоровой и философия любви. Впрочем, сколько людей – столько историй любви. Исконная женская судьба выпадает у автора из обычного празднично-бытового ряда: любовь приобретает как всеобъемлющее, равносильное космическим стихиям, так и личное, глубоко исповедальное, звучание. “За каплю веры – свет в ночном окне – // Грозится век десницею своей. // Я всё отдам, но дело не в цене. // Служу Любви, как лучшей из идей”, – это великое чувство она обязательно укрепляет верой. “Бог есть любовь”, – лаконично сказано в Священном Писании (1 Иоанна 4:8), но не секрет, что постижение данной истины требует порой целой жизни. Любовь и даётся нам как великий дар, как предназначение нести свет:

*Диктуют звёзды, поджидает рок,
Грозится смерть, смакуя слово “прах”,
Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк
И вспыхивает вьюгами в мирах.*

*А в подворотне старенький фонарь
Скрипит всю ночь — киваю фонарю.
В морозный шарф закутавшись, январь
Звонит коньками... Я опять люблю...*

*И учит непрожитая зима
Вставить со льда, собрав осколки сил.
Но что мне целый мир, коль я сама —
Вселенная в снегу ночных светил!*

Категории вечного в любви главенствуют и в поэзии Н. Егоровой: “Золотой весной воскреснуть // И полюбить в бессмертии своём!” – такая любовь ждёт лишь избранных. Её лирическая героиня дерзко и смело бросает вызов обществу, оправдывая страсть любви. Ведь страсть – слово многозначительное. Страсть – это и страдание.

*Дай мне пройти цветущими садами
По улочкам, не знавшим перемен,
С накрашенными дерзкими губами,
С бессмертным алым розаном Кармен.*

*Пусть льётся свет. Звенят восторги встречных.
Гудят такси. Поют волос ручьи.
И бьют часы в проулках — только вечность
Для всех влюблённых в городе любви.*

*Не говори, что время к нам жестоко, —
Грядёт пора стареть и умирать.
Вольней и выше времени и рока
Влюблённых женщин огненная стать.*

Ярчайшая метафоричность, когда весь мир словно вращается на мандельштамовской метафоре, и “земля гудит метафорой...”, будто встречаются равновеликие стихии. Только так и можно утвердить свою извечную женскую сущность, своё высшее право быть женщиной, обречённой на любовь. А иначе вселенная не имеет смысла, лишь ради любви в ней стоит жить и умирать! Невозможно запрограммировать жизнь, “любовь случайна...”, она, словно “невызнанная тайна”, не бывает без страсти: “Надену сарафанчик продувной. // Качну качели в неподвижных звёздах. // Смешает ветер волосы с листвою, // И месяц раскачается в берёзах. // Всплывут со дна кувшинок огоньки // Огнём любви и ревности забытой. // Спою, взлетев над омутом реки, // О вечной страсти дерзко и открыто”. К тому же все произведения о любви проникнуты лиризмом, что-то есенинское сквозит в таких стихах поэта, как “Вечный май, горячий бред любовный...” — вещь “дерзкая” и редкая для сегодняшней русской лирики.

Дабы настроиться на восприятие стиха Н. Егоровой, обратимся к образности, к сравнениям, к символу. Мистическое произведение, своеобразная перекличка с веком Серебряным:

*За годами и снегом не видно во мгле,
Что нам Бог на земле приготовил.
Светит роза сухая на тёмном столе,
Словно сгусток запёкшейся крови.*

.....
*Затянуло фрамугу узорами льда,
Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замёрзла вода.
Это я — твоя чёрная роза.*

*Это мне предназначено ждать и терпеть,
Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть,
В алый прах рассыпаясь от страсти.*

.....
*И сквозь годы и снег ощущаю спиной,
Как с весёлой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра свободы шальной,
Лепестки наполняются влагой.*

Символ сухой розы говорит о метафизических предчувствиях неясности бытия, когда уходит время, и чувства уже напрасны. Н. Егорова чудесным образом напитывает свою давно увядшую розу вспыхнувшим чувством любви, и она оживает, будто по велению свыше вдыхая в человеческую душу любовь. Образ розы присутствовал и в средневековой поэзии, земной мир как пустота внутри мировой розы воспринимается в самой мистической книге XX века — “Розе Мира” Даниила Андреева, где роза — цветок, способный стать духовным оформлением нашей планеты, символом соборной Любви

и вселенского разума. Только любовь способна возвысить нас над брэнностью бытия: “А всё ж мы любили, // и выжить на свете смогли мы...” — благодаря любви, нежной, спасительной и всесильной, убеждена Наталья Егорова. Ибо настоящая любовь вне времени. Она может ждать хоть целую вечность — любовь предопределяет жизнь и судьбу.

И вполне закономерно, о чём бы ни писала Наталья Егорова, к каким бы темам и образам ни обращалась, в её творчестве всегда ярко выражены грани православной традиции, на которой базируется русская литература. Читая Наталью Егорову, как раз и убеждаешься, что феномен русской культуры и искусства вне своей религиозной природы и традиции не имеет смысла. Её произведения впитали многомерность, многосложность этой единой культуры, она сама живёт в её большом времени, оставаясь честной перед собой и перед читателем.

Всё в мире имеет путь и цель, всё движется к своему началу, к всеобщей жизни, сотворённой Господом. Собственное начало и заключает в себе это удивительное умение возвращаться к истокам. Поэзия Натальи Егоровой возвращает нас к истокам народной памяти, к сокровенным истокам художественного образа Руси, к ясному осознанию единства всего живого на земле с единством бесконечного космоса. И возвращаться свойственно не только птицам, но и людям. Должна быть в жизни какая-то логическая завершенность. “Быть и сбыться — времени назло”, — так скорбная и светлая поэзия Натальи Егоровой продолжает побеждать само время, продолжает покорять великой правдой, добром и красотой.

Завершая путешествие-исследование в мир поэзии Натальи Егоровой, с лёгким изумлением нахожу у неё и эти потрясающие стихи, настолько отчётливо, пророчески они звучат, словно адресованы нам всем, страстно мечтающим о любви и единении в столь смутные, неясные времена:

*Дорогие мои, я прошу — продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой весёлой земле.
Пусть в прихожей смеётся залётной судьбы колокольчик
И глазунья шипит на тяжёлом дубовом столе.
Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты — вечен!
И любить эту землю и этих небес полюблю.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды, и ложь не польстятся на душу твою.
Так сойдёмся же в круг и степенно беседу затянем
Всё о том же, о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.*

г. Минск